Л.Н. Тимофеева,
кандидат политических наук, доцент

«ПАРТИЯ ВЛАСТИ» В РОССИИ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕДИАТОР

В декабре 2006 г. исполнится пять лет с момента слияния общественно-политических объединений «Единство», «Отечество» и общероссийского политического движения «Вся Россия» в партию «Единая Россия» во главе с Б. Грызловым, на которую правящий политический класс возлагал особые надежды. Еще до 17 декабря 2001 г. – даты объединительного съезда – лидер «Единства» С. Шойгу говорил о том, что принесет с собой создание «новой партии»: «новую политическую систему», «новое государство», «новое поколение российских политиков», «партию нового типа». Последнее, правда, напомнило российскому обществу известное ленинское выражение о партии большевиков и вызвало горькое воспоминание о недавней смерти КПСС – партии-гиганта, фактически подчинившей себе все государство и уничтожившей всех своих политических противников и всякое инакомыслие в стране. Однако было ясно, что на новую партию возлагается решение ряда важных политических проблем, в частности модернизация политической системы страны.

Для начала перед «Единой Россией» была поставлена непростая задача – завоевать в 2003 г. большинство в парламенте и исполнительных структурах власти, чтобы превратиться из партии, «которую имеет власть» (выражение Шойгу), в правящую партию, то есть партию, «которая имеет власть». При этом будущие члены «партии власти» обещали быть гуманными: сохранить левый фланг – КПРФ и правый фланг – СПС и «Яблоко», не изгонять оппозицию. Более того, они обещали представлять интересы большинства российского общества. Смысл создания новой партии они видели в поддержании реформ, проводимых президентом страны В. Путиным, объединении всех россиян под своими знаменами, на которых собирались написать: «Свобода, счастье, справедливость, развитие». Вообще-то благородная идея общенационального объединения под такими лозунгами близка россиянам. Однако оставались опасения: все-таки во имя чего, кого, как и кто именно будет это делать и не постигнет ли «ЕР» печальная судьба КПСС, а вместе с ней и России?

Прошло пять лет. Можно подводить некоторые итоги. Действительно, в стране появилась партия-фаворит по результатам выбо-

ров всех уровней. На выборах в парламент 2003 г. она завоевала большинство мест в Госдуме, собрав 37,57% голосов. Победоносно шагает партия и на выборах в региональные органы представительной власти: в Москве, в Чеченской Республике, в Костромской, Новосибирской областях и в других регионах.

Чтобы закрепить свои завоевания, партия поддержала инициативу В. Путина о замене выборов руководителей регионов президентским назначением, а затем и поправку к закону о партиях, о том, что партийное большинство в регионе имеет право предложить президенту свою кандидатуру. Можно ли сомневаться в ответе на вопрос, членами какой партии являются главы исполнительной власти большинства регионов России?

Но что влияет на лидерство «Единой России» среди других общественно-политических сил: только ли пресловутый административный ресурс или причины коренятся еще и в другом? Попробуем представить свои аргументы на этот счет.

Во-первых, объективно по исследованиям независимых социологов Левада-Центра, в 2005 г., по сравнению с 2003-м, увеличилось число симпатизантов «партии власти» и патриотов и ухудшилось положение коммунистов и демократов. Это может означать, что народ либо устал от оппозиционной риторики и жаждет стабильности, порядка и реальных изменений к лучшему, либо голосует «рационально» за тех, кто точно «проходит» во власть.

Во-вторых, хотя левая и правая оппозиционность населения составляет сегодня по 30%, но это не значит, что люди готовы голосовать за соответствующие партии. За левые партии готовы голосовать только 15%, из их оппозиционного потенциала – только половина. Из правового электората только 13% отдают предпочтение демократам и из них лишь 15% собираются голосовать за правые партии (СПС, «Яблоко», «Наш выбор», РПР и др.). Ненамного, но все же лучше ситуация у «Единой России». Из 45% «твердых конформистов» в обществе 25% поддерживают «единороссов». Иными словами люди не видят в оппозиционных политических партиях выразителей и надежных защитников их интересов и по-прежнему надеются на «руководящую и направляющую» во втором издании.

В-третьих, несмотря на большую численность оппозиционных слоев в России, их объединение представляется многим наблюдателям невозможным ввиду того колоссального взаимного антагонизма между правыми и левыми, который значительно превосходит у тех и других неприязнь к правлению В. Путина[1].

[1] См.: *Седов Л.* Люди о власти: конформисты и недовольные // «НГ». 2005. 6 дек. С. 11.

В-четвертых, хотя деятельность современных партий вызывает отчуждение у избирателей, тем не менее к «Единой России» у них доверия больше. Сравните данные двух исследований. Один опрос проводился в 1998 г. Национальным фондом политики и журналистики среди 1050 человек в 23 регионах России и дал знаменательный результат. Отвечая на вопрос: «Чьи интересы представляют российские партии?», люди считают, что они только на 9% представляют интересы всех россиян, а в основном отстаивают интересы партийной верхушки[1].

Варианты ответа	В %
Партийного руководства	45
Своих членов	27
Тех, кто финансирует их деятельность	10
Всех граждан России	9
Затруднились ответить	9

Возможно, по этой причине политическим партиям в 2004 г. доверяли только 8,7% опрошенных россиян[2].

Второй опрос проводился с 10 по 17 ноября 2005 г. Социологическим центром РАГС среди 2012 человек в возрасте от 18 лет и старше в 24 субъектах Российской Федерации[3].

Чьи интересы в наибольшей мере защищает сегодня так называемая партия власти – Единая Россия?

Варианты ответа	В %
Собственные интересы	
Президента России и его ближайшего окружения	38,6
Бюрократии (чиновников)	36,4
Крупных предпринимателей, банкиров, страховщиков и др.	23,0
Всего населения	19,9
Рядовых граждан (рабочих, крестьян, учителей, военнослужащих, пенсионеров и др.)	17,5
Предпринимателей малого и среднего бизнеса	11,4
Другие	6,2
Ничьи интересы не защищает	0,8
Затруднились ответить	6,5
	15,2

[1] См.: Политика. Издание Совета Федерации Российской Федерации. 1998. Февраль. С. 5.

[2] См.: Аналитический доклад ИКСИ РАН «Граждане России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? (1998 – 2004 гг.)» // www.iksiran.ru.

[3] См.: http: // www.rags.ru/content.php?id=313.

Несмотря на то что динамика ответов мало меняется и россияне считают, что «Единая Россия» в большей степени отстаивает свои интересы, во втором опросе гораздо больше граждан – уже не 9, а 17% – отмечают, что партия, в данном случае «Единая Россия», защищает интересы всего населения, а 11,4% считают, что и интересы рядовых граждан тоже. Получается, что в определенном смысле новая партия держит свое обязательство заботиться об общем благе. Да, 36,4% опрошенных полагают, что «Единая Россия» защищает интересы президента и его ближайшего окружения, но к этому показателю стоит отнестись осторожно. Дело в том, что В. Путин остается самым популярным политиком в России и тем самым играет цементирующую роль в расколотом российском обществе. Коренные изменения, произошедшие в России в 1980-х гг., разрушение многих традиций, глубинные противоречия в оценке истории страны привели к серьезному общественному кризису. В. Путин, появившийся в ситуации идейного раскола в обществе, выстроил коммуникативное взаимодействие, позволившее всем сторонам принять его за «своего». В результате сформировалось отношение к президенту как объединителю, символическому социальному интегратору, компенсирующему понесенные обществом социальные потери.

По мнению экспертов Левада-Центра, особенностью Путина является то, что общество возлагает на него надежды (Ю. Левада – «Путин – президент надежд»), освобождая от ответственности, когда они не оправдываются[1]. Руководитель ВЦИОМа объясняет это тем, что для россиян Путин прежде всего – символ единства нации, а не чиновник, отвечающий за конкретные изменения в жизни. Поскольку Путин воспринимается значительным числом россиян как «второе я», то возникает желание возложить ответственность на кого-то другого. Вот почему 62% населения считают основной помехой успешному развитию России чиновников, а 41% убеждены в некомпетентности руководства федеральных органов власти[2]. Поэтому для «Единой России» важнее смыть с себя пятно «партии, которую имеет власть», то есть партии чиновничества. Если этого не произойдет, то не только провалится сам проект партии, но и утвердится реальная возможность превращения России вновь в страну с однопартийной системой.

А есть ли позитивная роль «партии власти» в России? На мой взгляд, она заключается в ее медиаторской и реформистской деятельности.

---

[1] См.: *Ильичев Г.* Пятилетка Путина в оценках социологов // Известия. 2005. 25 марта.

[2] См.: *Ильичев Г.* Экономическая элита: победители или заложники? // Известия. 2004. 24 июня.

Партия для управляемой демократии

Для многих посткоммунистических обществ одной из серьезных проблем стала политико-культурная медиация в условиях сосуществования двух различных ценностных систем. Характерна она и для России? Главный ценностный разлом в стране проходит по линии «рынок или государственный патернализм», «свобода или равенство возможностей». Борьба идет между сторонниками постиндустриальной индивидуалистической модели ценностей западного типа и последователями противоположной модели, связанной с носителями традиционалистской российской ментальности и тяготеющей к коллективисткой модели ценностей.

По данным социологов, к началу 2000 г. примерное количественное соотношение двух моделей было таково: приверженцы индивидуалистической системы ценностей составляли 25 – 30%, носители традиционной модели ценностного сознания – 35 – 40%. Остальные – 30 – 35% группа людей с противоречивым типом ценностного сознания. Именно в ней сосредоточен основной слой людей, для которых свойственно раздвоенное сознание, сочетание несочетаемого. Именно сюда перемещаются прежние носители индивидуалистической системы ценностей западного типа. Из этой же группы пополняется та часть населения, которая привержена в целом традиционной системе ценностей. Именно за этот электорат и нужно было бороться «партии власти». Этим процессом необходимо было управлять, чтобы снизить уровень неопределенности и конфликтности, а значит, и порог социально-политических и экономических рисков для общества в будущем. В этой связи весьма актуальным стал вопрос об управляемой демократии с помощью «партии власти», которая могла бы при сохранении демократического антуража руководить политическим процессом.

Как известно, в основе демократии стоит проблема консенсуса. С точки зрения теории демократии необходимо четко различать, по крайней мере, три объекта возможного разделения и возможного соглашения: 1) конечные цели (такие как свобода и равенство), которые составляют структуру системы представлений; 2) правила игры, или процедуры; 3) конкретные правительства и правительственная политика. Эти объекты консенсуса – неконсенсуса, согласно Д. Истону, могут быть трансформированы на три уровня: а) консенсус на уровне сообщества или основной консенсус; б) консенсус на уровне режима или процедурный консенсус; в) консенсус на уровне политики.

Первый уровень консенсуса, или основной консенсус, отвечает на вопрос: разделяет ли данное общество во всей своей целостнос-

ти одинаковые ценностные представления и цели. Если это так, то, по Г. Алмонду, мы имеем дело с «однородной политической культурой». Если нет – с разнородной и фрагментарной. И то и другое – демократия, но можно с уверенностью утверждать, что основной консенсус, хотя и не необходимое, но благоприятное условие демократии. Он помогает установить ее правомерность. Хорошим индикатором «успешной демократии» является ответ на вопрос: приобрела она или нет основной консенсус. Недостаток или утрата основного консенсуса может стать причиной гибели демократии.

Исследования показывают, что в России в начале 1990-х гг. не было базового консенсуса, и задача № 1 – создать его хотя бы в политическом сообществе. Отсюда и феномен управляемой демократии, что означает управляемый консенсус среди сформировавшихся политических институтов. Вот почему такое значение придавалось «партии власти» или пропрезидентской партии в парламенте, которая могла стать медиатором в политических конфликтах «правых» и «левых» в России.

Решение этой задачи лежало в плоскости проведения определенных процедур и активизации центристских сил. В стране сложился следующий расклад партийных сил. С одной стороны, действовали партии западничества, радикальной модернизации и элитизма в лице СПС (и смыкающегося с ним по отдельным вопросам «Яблока»), с другой – почвенничества, консерватизма, государственного патернализма и социальности в лице КПРФ. Центризм – правый и левый – воплощен был сначала в «Единстве» и «Отечестве», преобразованных в партию «Единая Россия». При этом правые претендовали на неоконсервативную идеологию, основанную, прежде всего, на свободных рыночных отношениях, а левые – на социал-демократическую идеологию в западном понимании, то есть с определенным участием государства в регулировании социально-экономических процессов. Объединительный съезд «Единства», «Отечества» и «Всей России» 17 декабря 2001 г. указал общий вектор их политической программы. Основные ценности этих политических организаций, хотя и имели широкую трактовку – свобода, демократия, закон, социальная справедливость, – все же давали основания полагать, что это будет политическая платформа чисто российского либерального консерватизма или консервативного либерализма, содержащего в себе и идеи патриотизма и государственничества, свободы и равенства перед законом, социальной справедливости в рамках российского менталитета. В этом смысле известную поговорку «Англия уважает равенство и свободу, но предпочитает свободу, Франция уважает свободу, но предпочитает равенство», можно дополнить так: Россия уважает и свободу, и равенство, но предпочитает справедливость.

В этой самой «справедливости» и кроется загадка российского менталитета. На мой взгляд, для России демократической крайне важно сохранять два принципа. Один из них завоеван еще Февральской революцией 1917 г. и вновь утвержден перестройкой Горбачева – принцип альтернативности, закрепленный в праве выбора гражданином информации, партии, идеологии, религии, формы собственности и подкреплен другим принципом – правом равных возможностей граждан, а не равных доходов. Именно в этом, на мой взгляд, и заключен российский идеал справедливости. В СССР при советской демократии был проигнорирован принцип альтернативности, а в современной демократической России пока не удается внедрить принцип равных возможностей.

Не могу также не согласиться с авторитетным исследователем современной демократии Робертом А. Далем, который полагает, что демократия измеряется двумя зависящими друг от друга величинами: наличием общественного соперничества и правом граждан участвовать в выборах и в управлении через общественные институты. Политические партии, прежде всего оппозиционные, как раз и представляют такой институт соперничества с властью, побуждая ее постоянно быть настороже, доказывая свою эффективность и полезность для граждан. Именно многопартийность поддерживает существование принципа альтернативности, возможности выбора.

Обратимся теперь ко второму уровню консенсуса – процедурному, который устанавливает основные правила игры. Именно с их помощью регулируются конфликты в обществе. Революции и гражданские войны заканчиваются с установлением победителем правил, которые помогут мирно решать конфликты. В условиях демократии это «правила игры» большинства, или принцип большинства. Если принцип большинства не принимается, то эта демократия как режим, как политическая форма не признается. По сути дела, процедурный консенсус является непременным условием демократии. Афоризм, что в условиях демократии мы соглашаемся по поводу того, с чем мы не согласны, фактически означает, если его расшифровать, следующее: а) мы должны прежде всего выработать согласие в отношении правил, регулирующих несогласие и конфликтные ситуации; б) расхождение во мнениях в рамках таких правил – это несогласие, защищаемое и стимулируемое демократией. При этом необходимо понимать, что принцип большинства в переходный период от одной политической системы к другой затруднительно воплотить в силу неоднозначности, шаткости самого периода «переходности» общественного сознания, которое весьма противоречиво. Значит, требуются определенные импульсы «сверху», чтобы добиться хотя бы видимости общих правил игры.

Одна из идей в этом отношении состояла в том, чтобы сделать правительство центристским по духу, чтобы оно было способно плавно балансировать между правыми и левыми настроениями в обществе. Правительство должно было стать коллегиальным органом власти и управления, политически и юридически ответственным за реализацию внешней и внутренней политики страны. Для этого необходимо было провести рекогносцировку на партийно-политическом поле страны. Согласно этой идее, «партия власти» предполагала предложить правительству заключить соглашение о сотрудничестве с основными политическими силами страны, где будут названы ключевые программы и приоритетные законодательные акты. Оно должно предусматривать участие центристских сил в подготовке правительственных законопроектов.

Следующий шаг – формирование ответственного правительства руками президента, но на основе консультаций с этими силами и на их кадровой базе. По сути дела, предлагается с внесением или даже без внесения изменений в Конституцию по формированию правительства закрепить на практике давно дебатировавшуюся норму, согласно которой победившая партийная коалиция имеет право сформировать свое правительство. Иными словами, высшие руководители страны должны быть ответственны перед выдвинувшей их партией, которая, в свою очередь, отвечает перед народом за результаты их деятельности.

Третий уровень консенсуса – консенсус в отношении политики и правительства – выдвигает на передний план постоянный политический дискурс между правящей элитой и контрэлитой, стремящейся к власти. Это фактически тот контекст, в котором несогласие, неконсенсус и оппозиция появляются как характерные элементы демократии. Причем несогласие по вопросам политики и оппозиция правительствам – это неконсенсус по отношению к членам правительства, а не по отношению к форме управления. Если последнее под вопросом, тогда на карту поставлен или основной или процедурный консенсус, а возможно, тот и другой.

В этой связи необходимо было не только не исключать политическую оппозицию из политического соревнования, а наоборот, стремиться сделать ее постоянным оппонентом, постоянно пускать в оборот ее разумные идеи.

Если обратиться к политической практике и проанализировать три цикла избирательных кампаний в России, то можно прийти к выводу, что в условиях главного кливажа – основного ценностного конфликта между модернизаторами и консерваторами – в течение этого времени предпринималась попытка вначале добиться процедурного консенсуса. Затем через него – прийти к базовому, а уже

потом – к постоянно действующему дискурсу о политическом курсе и его изменениях. Кто был инициатором этих отношений? Правящая элита, или вернее – принимающее политические решения высшее чиновничество. Именно она стала «архитектором» процесса «управляемой демократии». «Управляемая демократия» началась с создания основных инструментов дирижирования избирательным процессом так называемых партий власти. Впервые они приняли участие в выборах 1993 г. и были представлены Партией российского единства и согласия (ПРЕС) вице-премьера правительства С. Шахрая и «Выбором России» бывшего и. о. премьер-министра Е. Гайдара, набравшими соответственно 6,76% и 15,38%. Их задача была вместе с либеральным «Яблоком» (7,83%) противостоять антиреформаторским силам в Думе.

Затем «партии власти» стали постоянными участницами избирательными процесса. Правда, каждый раз – новые, поскольку решали «сиюминутные», тактические задачи, и, не имея достаточной укорененности внизу, в обществе, а также успев дискредитировать себя как несамостоятельные политические игроки, к следующим выборам сходили на нет.

В 1995 г. было создано движение «Наш дом – Россия», перед которым стояла задача стать правоцентристской политической силой с опорой на субъекты Федерации, способной поддержать усилия правительства по реформированию страны. Возглавил его премьер В. Черномырдин, а в состав совета вошли главы 36 регионов России. Тогда же «партии власти» вели политическую агитацию с прицелом на президентские выборы. В марте 1996 г. сторонниками Б. Ельцина было создано общероссийское движение общественной поддержки первого Президента России, основу которого и составили «Наш дом – Россия», «Реформы – новый курс», «Союз реалистов», «Женщины России» и другие, которое проводило активную президентскую избирательную кампанию. В результате Ельцин был избран на второй срок.

В 1999 г. в предвыборную борьбу за места в парламенте включились новые «партии власти»: вначале «Отечество», а затем «Единство», причем впервые «партии власти» боролись друг против друга. Особая интрига заключалась в следующем. В 1998 г. с отставкой В. Черномырдина была разрушена «партия власти», являвшаяся корпоративной поддержкой правительства. Последовавшие вскоре финансовый и политический кризисы «отодвинули» президента и его команду от непосредственного формирования политического курса (что выразилось, например, в том, что президент вынужден был согласиться с кандидатурой председателя правительства, предложенной Думой – Е. Примакова) и сделали призрачными надежды на вос-

становление централизованной «партии власти». В этой связи ее воссоздание началось «снизу», с регионов. О создании блоков объявили губернаторы отдельных регионов-доноров; так возникли «Отечество» и «Вся Россия». На протяжении почти всего 1999 г. фаворитами на будущих президентских выборах виделись лидер КПРФ и представитель сформированного блока губернаторов. Однако благоприятная экономическая конъюнктура и снижение социальной напряженности в стране создали условия сначала для реабилитации президентской власти и возвращения ею контроля над правительством, а затем и для восстановления, хотя и не без потерь, централизованной «партии власти». На выборах депутатов Госдумы «соревновались» избирательные блоки – «региональный» «Отечество – вся Россия» и «пропрезидентское» Межрегиональное движение «Единство». Фактически борьба велась вокруг решения вопроса, кто и как будет восстанавливать «партию власти» – снизу, то есть региональные «бароны», или сверху, то есть президентская администрация. Победившая сторона получала право выдвинуть кандидата в президенты от «партии власти». Победу с разгромным счетом (23,32% у «Единства» («Медведя») против 13,33% (у ОВР) одержала исполнительная федеральная власть, и единым кандидатом стал ее представитель В.В. Путин[1].

Как показали выборы 1999 г., в России возникла своеобразная технология образования партий, для которой характерно сочетание трех элементов: 1) наличие популярного или имеющего шансы стать популярным лидера; 2) использование государственного финансового и информационного ресурса; 3) действующая структура в виде региональной власти и ее клиентелы. При этом процесс «партийного строительства» идет следующим образом: с помощью политтехнологов создается смысловой образ лидера с присущими ему качествами (например, решительностью, готовностью навести порядок), который затем «раскручивается» телевидением, а региональная власть предоставляет «административный ресурс».

Если все предыдущие выборы решали вопрос только удержания власти, а затем вновь перед правящей элитой появлялась опасность ее потери, и потому возникала необходимость конструирования новой «партии власти», то в 1999 г. были заложены основы ее безопасного существования на более длительный срок. Потому что опора была сделана на традиционные и новые ценности россиян: государственность, патриотизм, закон, порядок, демократия. Вернув себе

[1] См.: *Коргунюк Ю.* Конец Великой Российской революции. Президентская кампания 2000 г. в контексте партийно-политических процессов // Партинформ. 2000. 3 мая.

образ влиятельной силы, Кремль создал условия для объединения вокруг себя тех сил, которые не имеют собственной четкой политической ориентации и группируются вокруг победителя, кем бы он ни был.

Но чтобы добиться редуцирования деструктивной конфликтности и базового консенсуса в обществе, необходимо достигнуть вначале процедурного. Процедурный консенсус или принимаемые большинством общества «правила игры» (Конституция РФ, избирательная система, ее тип, способы «нарезки» избирательных округов, качество избирательных процедур, законодательство о выборах и т. д.) – все это серьезно влияет на то, какую форму примет социальная структура общества завтра, какие группы и какое групповое самосознание сформируют, каковы будут связи между ними, какие политические субкультуры получат наибольшее распространение, что в сумме означает, каким будет ближайшее будущее.

К примеру, только один элемент процедурного консенсуса – пропорциональная система выборов – ведет к формированию многих независимых партий, а мажоритарная – в два тура – к образованию многих партий, которые связаны друг с другом и т. д. Россия избрала смешанный тип голосования, который помог сначала оформиться первым небольшим альтернативным партиям, затем подтолкнул их к выстраиванию коалиций и блоков, а потом заставил объединяться в более крупные партийные образования. Сейчас в России действует пять-шесть партий-лидеров, способных бороться за места в парламенте.

Как известно, различают многопартийность двухпартийную, двухблоковую, трехпартийную, а также систему многопартийной раздробленности. Классическим образцом двухпартийной системы являются США, когда при наличии других партий соперничество за власть практически происходит только между двумя. Франция являет пример биполярной, двухблоковой системы. Здесь правые партии (Объединение в поддержку республики, Союз за французскую демократию и др.) образуют правый блок, а социалистическая, коммунистическая и партия «зеленых» – левый. Италия показывает практику работы системы многопартийной раздробленности, где ни одна партия или группа партий не имеют явного преимущества, а власть осуществляется коалициями, изменяющимися по составу.

Подписание В. Путиным закона о политических партиях означало начало серьезной перестройки партийной системы в направлении укрупнения партий и формирования в перспективе трехпартийной системы. По всей видимости, в будущем левый сегмент партийного спектра будет занят КПРФ, правый – СПС, «Яблоком» или новой партией объединенных демократов, а на роль центра обоснованно претендует «Единая Россия».

Что дает трехпартийная система? Прежде всего, смягчает радикализм в условиях дуализма «правые – левые». Преимущество центристских партий состоит в том, что с ними сотрудничают и правые, и левые, в то время как друг с другом они не взаимодействуют. Одновременно «центр» то и дело похищает у них электорат. Трехпартийная система дает возможность создания блоковой системы правящих партий в условиях, когда одна партия не в состоянии прийти к власти или долго удерживать ее. Во Франции, например на протяжении всей истории Третьей республики, радикал-социалисты (левый центр) постоянно переходили от центристской солидарности (которая приводила к концентрации) к гошистской (которая породила Картель, Народный фронт и т. д.).

Правда, попытки создания центристской коалиции из нескольких пропрезидентских партий, стержнем которой может стать новая политическая партия, актуализируют вопрос о технологиях отношения между ними. Мощная центристская партия может стать серьезным стимулом к началу объединительных процессов в других сегментах партийного поля. В этой связи «партии власти» придется определить свою политику в отношении потенциальных партнеров и соперников. Главными политическими оппонентами центристов слева стала КПРФ, способная поглотить более мелкие левые партии и движения, а справа – блок правых партий (СПС и «Яблоко»), заявляющие о себе как об идейных сторонниках президента в связи с объявленным им либеральным курсом экономических реформ или занявшая более радикальную позицию объединения демократов во главе с бывшим премьером М. Касьяновым.

Может ли укрепление «партии власти» грозить России вновь зарождающейся однопартийной системой? Такая опасность существует, но нельзя сбрасывать со счетов и то, что ни «Яблоко», ни СПС, ни КПРФ не собираются вливаться в новое объединение и сворачивать свою работу. Наоборот, их деятельность активизировалась с появлением «конкурента».

Сможет ли новая партия избежать ошибок, характерных для «правящей партии»: номенклатуры, диктатуры и бюрократизма? Сегодня трудно ответить на эти вопросы. Но если партия поставит своей задачей положить начало новым традициям, как это сделали демократы, республиканцы, консерваторы или либералы в западных странах, это сослужит добрую службу России. Ее стабильность во многом зависит от цивилизованности политической борьбы, а она, в свою очередь, от политических и гражданских традиций в партии.

Пока результаты говорят сами за себя. Партия с ошеломляющим отрывом победила на выборах 2003 г. Образовала фракцию «конституционного большинства» в Госдуме, ее численность составляет бо-

лее 300 депутатов. Депутаты, входящие во фракцию «Единая Россия», были избраны в Госдуму по федеральному избирательному округу (120 депутатов), по одномандатным избирательным округам (183 депутата). Всего во фракции 246 депутатов являются членами партии «Единая Россия». Кроме того, в состав фракции «Единая Россия» входят депутаты Госдумы, избранные в порядке самовыдвижения, и представители других политических партий, пожелавшие участвовать в работе фракции: члены Народной партии (20), члены Аграрной партии (2) члены СПС (2), члены Российской партии пенсионеров (1), члены Российской объединенной промышленной партии (1), члены Российской партии Мира (1), беспартийные (30).

В основе деятельности фракции «Единая Россия» – центристская идеология партии «Единая Россия», поэтому фракция заинтересована в принятии законопроектов, которые на основе развития рыночной экономики позволят качественно улучшить жизнь граждан. Это законопроекты, касающиеся всех сфер жизни, но приоритетами для фракции «Единая Россия» сегодня являются экономический рост и борьба с бедностью, противодействие преступности и терроризму.

Некоторые исследователи современного российского политического поля рассматривают создание «партии власти» еще и как стратегию, обусловленную необходимостью адаптации элит, не имеющих опыта участия в выборах, к новым институциональным условиям[1]. Это означает, что «партия власти» может стать либо прибежищем авторитарных тенденций и исчезнуть за ненадобностью, что мы уже наблюдали, но возможна и ее эволюция в направлении «нормальной» партии, полностью адаптированной к условиям демократического общества. Такой путь представляется более органичным и желаемым. По крайней мере, на такой результат рассчитывают члены партии «Единая России».

Таким образом, «партии власти» или партии-медиатору в рамках управляемой демократии приходится выполнять следующие функции: ***реформаторскую*** – быть партией, помогающей Президенту России проводить либеральные реформы в стране; функцию ***просвещения и убеждения*** – ей приходится прилагать немало сил, чтобы разъяснять населению смысл реформ и принимаемых законов и тех благ, которые они им сулят, а также непопулярных пока решений и причины их принятия, перспективы их пересмотра; ***идеологическую функцию*** – формулировать центристскую систему ценностей; ***переговорную функцию*** – она учится быть медиатором между правыми и левыми партиями, вести с ними постоянный «круглостольный про-

[1] См.: *Голосов Г.В., Лихтенштейн А.В.* «Партии власти» и российский институциональный дизайн: теоретический анализ // Полис. 2001. № 1. С. 614.

цесс»; ***созидательно-организационную функцию*** – в качестве противовеса радикалам слева и справа призывать на помощь институты нарождающегося гражданского общества в лице неправительственных организаций, лидеров мнения в Общественной палате и тем самым способствовать их скорейшему развитию. Как показал Первый Гражданский форум, в России формируется мощная «гражданская партия», которая могла бы оказать поддержку политической партии реформ, партии-медиатору, которой в определенном смысле можно назвать «Единую Россию».